

– Это верно, госпожа, – отвечал сэра Ланселот, – я признаю вашу правоту. Но давно ли вы сделали столь рассудительны? Теперь, госпожа моя, согласен поступить по вашему совету: нынешней ночью я отдохну и завтра чуть свет поскачу в Винчестер. Но только знайте, – сказал сэра Ланселот королеве, – я на этом турнире буду выступать против короля Артура и против всей его дружины.

– Сэр, поступайте там, как вам будет угодно, – сказала королева, – но мой вам совет, не сражайтесь против вашего короля и против ваших товарищей, ведь среди них будет немало стойких бойцов, будут и ваши родичи.

– Госпожа, – отвечал сэра Ланселот, – я готов встретить любые опасности, какие ни пошлет мне Бог.

И вот рано поутру он отслушал обедню, утолил голод, простился с королевой и отправился в путь. И он скакал во весь опор, и как раз случилось, что к ночи он достиг Астолата и подъехал к замку старого барона по имени Барнард Астолатский. Когда въезжал сэра Ланселот в замок на ночлег, его заметил король Артур, гулявший в то время в саду под стеной замка, и сразу же его узнал.

– Ну, сэры, – сказал король Артур своим рыцарям, которые гуляли с ним у стен замка, – сей-час я видел рыцаря, – сказал он, – который на турнире, могу поручиться, покажет чудеса.

– Кто же он? – спросили рыцари.

– Пока еще вы этого от меня не узнаете, – отвечал король.

И, улыбнувшись, он удалился в свой покой. Когда сэра Ланселот стал в отведенном ему покое располагаться на ночь и снял с себя доспехи, к нему явился старый барон сэра Барнард и приветствовал его любезнейшим образом. Однако он не узнал сэра Ланселота.

– Любезный сэра, – сказал сэра Ланселот своему хозяину, – прошу вас, не ссудите ли вы меня щитом, который не был бы известен повсеместно, ибо мой щит знаком всем?

– Сэр, – отвечал его хозяин, – ваше желание будет исполнено, ибо вы кажетесь мне одним из достойнейших рыцарей, каких мне случалось видеть, и потому я готов оказать вам дружеское расположение. – И еще он сказал: – Сэр, знайте, что у меня есть два сына, и они лишь недавно получили посвящение в рыцари. Старшего зовут сэра Тиррей, и он был ранен в тот самый день, как принял рыцарское посвящение, и по сей час не может сесть на коня; его щит вы и получите, ибо, ручаюсь, он известен только здесь, и больше нигде. А второго моего сына зовут сэра Лавейн. И, с вашего изволения, он поедет вместе с вами на турнир, ибо для своего возраста он крепок и силен. Мое сердце сразу расположилось к вам, так что вы, должно быть, рыцарь благородный. И потому я прошу вас, назовите мне ваше имя, – сказал сэра Барнард.

– Что до этого, – отвечал сэра Ланселот, – то вы должны меня покамест извинить. Если, с милостью Божией, я преуспею на турнире, тогда я возвращусь и назову вам мое имя. Но я прошу вас, как бы ни обернулось дело, все равно послать вместе со мною вашего сына сэра Лавейна и позволить мне воспользоваться щитом его брата.

– Сэр, все это будет исполнено, – отвечал сэра Барнард.

А у этого старого барона была дочь, которую в то время все называли Прекрасной Девой из Астолата, и она, не отрываясь, глядела на сэра Ланселота с великим восхищением. (И, как рассказывается в Книге, она воспылала к сэру Ланселоту столь сильной любовью, что так и не смогла его никогда разлюбить, и от этого умерла. Имя же ее было Элейна Белокурая.)

Она входила туда и выходила много раз, и так разгорелась ее любовь, что под конец она попросила сэра Ланселота, чтобы он на турнире носил ее знак.

– Девица, – сказал сэра Ланселот, – если бы я согласился на эту вашу просьбу, вы смогли бы сказать, что ради вас я сделал больше, нежели ради какой-либо другой дамы или девицы за всю мою жизнь.

Но тут он вспомнил, что едет на турнир в чужом облиции, и, оттого что прежде он никогда не надевал знаков ни одной дамы, он решил надеть теперь ее знак, чтобы никто из его родичей не заподозрил, что это он. И тогда он сказал:

– Прекрасная девица, я согласен носить ваш знак на шлеме. И потому покажите мне, каков он.

– Сэр, – она отвечала, – это мой красный рукав из тонкой ткани,¹²⁷ шитый крупным жемчу-

¹²⁷ ... красный рукав из тонкой ткани... – Рукава женской одежды в Средние века часто шились отдельно и могли прищуриваться к разным платьям. Рыцарь, выступая на турнире, мог прикрепить рукав к своим доспехам в знак верности даме. Во французском источнике Дева из Астолата просит Ланселота принять ее рукав именем его возлюб-